

Эссе по истории студентки группы 3136 Блохиной Ксении

«Давыдова Надежда Михайловна – ребенок войны»

Война.

В момент начала войны мне было всего пять месяцев. Собственных воспоминаний особо не было, но позже многое мне рассказывала моя мама. Война нагрянула неожиданно. Было страшно. Отец ушел на фронт, мы с матерью остались вдвоем. Она говорила, что уходила на работу, а меня не с кем было оставить. Поэтому я часто была одна.

Мы как могли, так и выживали. Многие дети, как и я, в полгода оставались одни. Было очень трудно и голодно. Я особенно помню голод. Помню карточную систему уже послевоенного времени, с 1946 года.

Мама постоянно работала. После войны, когда мне было пять лет, я уже была хорошей нянькой. Нянчила братишку. Еще саму надо было нянчить, а я уже стала нянькой.

Еды не хватало. Я ходила за хлебом и казалось, что вкуснее этого ничего не было. Шоколада и конфет вообще не знали. Кусочек хлеба был самым вкусным. Что такое сахар я потом уже узнала. Позже, после войны отец приносил фрукты, абрикосы, сливы. Все потому, что жили уже на юге Кавказа в Армавире. Но в хлебе всегда были травяные добавки, примеси. Вот этим и выжили, травами разными.

Игры всегда были. Мы их любили как и во время войны, так и после. Очень хорошо помню игру Красное знамя. Были два поля, разделенные полосой. Одно поле занимала одна команда, второе – другая. Где-то вдали, на поле одной из команд, стояло красное знамя, палочка с красным лоскутком ткани, которую охраняли. Заключалась игра в том, чтобы украсть у другой команды знамя. Я была боевая, активная. Уж и плакала, когда наше знамя крали, и дралась. Вот какое отношение у нас было к красному знамени. Все сводилось к тому, что все болели за свою страну. За свои символы. Борьба за победу велась даже между детьми, хоть и в игровой форме.

Помню уже в 7 классе ездили помогать убирать картошку, свеклу. Мы – дети, работали на равне с колхозницами, были и ночные бригады.

Чтение, учеба – для меня все это уже послевоенное время. Я всегда записывалась в библиотеки, брала книги, читала. Очень любила читать. Бывало придешь, и библиотекарь даже спрашивала, о чем читала.

На год позже пошла в школу (братишку не с кем было оставлять).

В 4 классе сказали, что умер Сталин. Я плакала в разрыв. Все плакали: и взрослые, и дети. Он был символом нашего времени. Это сейчас не знают, кто такой Сталин. В фая школы стоял бюст Сталина, и мы в тот день стояли возле него, в трауре.

Была постоянная самостоятельность.

Смутно помню единственную бабушку по отцовской линии. Три года мне тогда было. Но мне это очень врезалось в память. Помню ее собранные, седые волосы. Очень хорошо помню, как вчера было, на печке сидели с ней, а она меня гладит по голове, и мне так тепло, уютно было.

Острых воспоминаний взаимопомощи не было. Рядом не было даже госпиталей, чтобы ходить и оказывать какую-то помощь.

Помню в деревне ходили по дворам и помогали бабушкам стареньким. Дрова кололи, косили, в огородах помогали.

Самым тяжелым было, когда возвращались с войны отцы, а твоего отца не было. Было очень горько. Я толком не знала своего отца. Он ушел в скором времени после моего рождения на фронт. Мне всегда хотелось его увидеть. Представить какой он. Я не знала его. Когда в 1946 мы поехали к отцу, после вызова к себе, он встречал нас на вокзале. Я ни разу с рождения до 46 года не видела его. Я испугалась. Он был для меня чужим. Он мне тогда большим великаном казался. Отец взял меня на руки, а я испугалась, кричать хотелось.

После войны было счастьем жить с отцом.

В первое время, когда началась война, я была очень маленькой. Вообще ничего не помню из этого возраста. А потом, когда мы с матерью в деревне жили, наступил голод. А когда кто-то умирал на фронте, и приходили похоронки, женщины выли, дети плакали. Страшно было. Вой был. Очень страшно было, когда получали похоронку люди.

В деревне было проще выживать. Земля помогала, лес, травы. В основном на картошке и травах выживали.

Были и отчаяния. Но люди ждали лучшие времена, надеялись, работали усиленно. Ждали, что следующий год будет лучше. Надежда всегда умирает последней.

Я даже День Победы не помню. Только из фильмов. Помню лишь радость родителей, что война закончилась. Мне было пять лет.

Больше всего я помню игры. Наверное потому что это были не просто игры. Они напрямую были связаны с войной. Смешно немного вспоминать, как мы – совсем дети, боролись за победу в игре и как расстраивались, проиграв ее.

Праздники, они и есть праздники. Но особых праздников не было. Праздником было, когда мне устраивали 16-летие. Вот это я помню очень хорошо.

Но мама устраивала во времена войны только христианские праздники.

Было очень волнительно, когда меня принимали в пионеры.

Я не сталкивалась с немцами лицом к лицу. Но были пленные, я их просто видела. И в моем понятие они казались страшными, жуткими людьми. Может оттого, что они пленные, враги.

Эвакуированных рядом с нами тоже не было.

Когда мы победили, я была еще в деревне. Там только бабы веселились. Но не было такого, что кто-то шел по деревне и кричал: «Победа! Победа!»

Я не понимала, что мой отец вернулся с победой, что он герой. Я встречалась с отцом, которого никогда в своей жизни не видела, для меня было важно одно – увидеть наконец-то своего отца.

После войны я окончила 10 классов. Поступила в техникум. Работала, везде меня ценили. Пошла в училище мастером. Техник-технолог, инженер-технолог. Я не сидела за одним столом. Я работала. Я трудяга и меня примечали всегда.